

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С. А. КРИСТИНЕВИЧ

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИКО- ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: СОСТОЯНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ (Часть II. Часть I в № 1 2022 г.)

В первой части статьи рассмотрены современные подходы к анализу экономико-политических процессов. Обоснованы целевые функции ключевых акторов политико-экономических процессов — избирателей и политиков, показаны основные модели, описывающие поведение этих субъектов в процессе межсубъектного взаимодействия, охарактеризованы доминирующие методологические подходы в новой политической экономии.

Во второй части статьи исследуются целевые функции еще двух субъектов политического рынка — чиновников и групп специальных интересов. Показана методологическая неоднородность международной политической экономии. Особое внимание уделено направлениям неортодоксального вектора. Сделан вывод, что в современных экономико-политических исследованиях используются два условных типа аналитических схем. Первый тип — характеризуется активным использованием экономической методологии на политологическом предметном поле. Второй тип — использует широкий междисциплинарный подход, основанный на попытке комплементации методологии ряда гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: группы специальных интересов; чиновники; международная политическая экономия; междисциплинарный подход; политический рынок.

УДК 330.88

Чиновники (бюрократы, администраторы). Эта категория субъектов стремится к максимизации своего благосостояния. В отличие от политиков чиновники назначаются. Их инструментальной целью может быть сохранение должности, повышение статуса, увеличение финансирования бюро [1]. Ключевые поведенческие паттерны описываются в рамках двух подходов: экономической теории бюрократии и теории поиска политической ренты.

Экономическая теория бюрократии. Деятельность бюрократии представлена через систему бюро — совокупности учреждений исполнительной власти, основной функцией которых является производство общественных благ. Бюро есть неприбыльная государственная организация, финансируемая непо-

Сергей Анатольевич КРИСТИНЕВИЧ (sk.bseu@gmail.com), доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

средственно из бюджета, отвечающая как минимум двум критериям: во-первых, она не производит экономические блага, имеющие ценностную оценку, во-вторых, извлекает часть собственных доходов из источников, не связанных с продажей результатов своей деятельности. Принципиальное отличие бюро от фирмы, во-первых, в том, что оно не получает доход с продаж, поскольку предоставляет преимущественно общественные блага, во-вторых, в том, что его предложение зависит не от цены, а от выделенного бюджета [2].

В рамках теории общественного выбора хрестоматийной принято считать модель бюрократии Нисканена, которая опирается на методологию неоклассического направления и имеет две версии: базовую и модифицированную. Базовая модель [1] отличается от модифицированной [3] исходными предположениями и целевой функцией (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение деятельности бюро и фирмы

Параметр сравнения	Модель бюро		Модель фирмы
	Базовая модель Нисканена	Модифицированная модель	
Целевая функция	Предоставляемый в распоряжение бюро бюджет (B) $B = a \cdot Q - b \cdot Q^2$ $0 \leq Q \leq a/2b$, $a, b \geq 0$, где a, b – параметры спроса на продукцию бюро со стороны лица, принимающего решение о размере бюджета; Q – объем выпуска бюро	Функция дискреционного бюджета ($B - C$) $B - C = \left(\frac{\beta + \gamma}{\beta + 2\gamma} \right) \left[1 - \frac{\beta + \gamma}{\beta + 2\gamma} \right] \left(\frac{a - c}{b + d} \right)^2$, где B – общий бюджет; C – минимальные затраты на ожидаемый властями выпуск. $U = \alpha Y^\beta M^\gamma$, где α, β, γ – параметры функции полезности бюрократа; Y^β – текущая ценность денежного дохода (Y) для бюрократа; M – ряд служебных благ (свободное время, социальные и физические удобства положения, уважение со стороны людей; c, d – параметры функции издержек бюро $TC = c \cdot Q + d \cdot Q^2$	Функция прибыли фирмы (PF) $PF = P \cdot Q - TC$, где P – цена продукции, Q – объем выпуска фирмы; TC – общие издержки фирмы. $TC = P_L \cdot L + P_K \cdot K$, где P_L, P_K – цена труда и капитала; L, K – объем используемых ресурсов труда и капитала
Ограничения	Максимальный бюджет (B_{\max}), который может утвердить политик (лицо, принимающее решение о выделении средств для бюро) $TC \leq B < B_{\max}$	Возможности использования дискреционного бюджета в личных целях	Объем располагаемых ресурсов и технология производства фирмы, формализуемая в производственной функции
Правило определения оптимального объема выпуска	$Q = \frac{a - c}{2(b + d)}$ Объем выпуска, максимизирующий функцию бюджета бюро, в два раза превышает оптимальный уровень, обеспечивающий аллокационную эффективность	$Q = \frac{\beta + \gamma}{\beta + 2\gamma} \cdot \frac{a - c}{b + d}$ Выпуск является положительной функцией предельного влияния вознаграждения бюрократа на его полезность	Оптимальным является объем, удовлетворяющий условию: $MR = MC$

Примечание: составлена по источнику [2].

В базовой модели Нисканен использует принцип методологического индивидуализма для анализа поведения бюро. По исходным предпосылкам бюро отождествляется с фирмой. Отличия лишь заметны в формулировках целевых функций: у фирмы — это максимизация прибыли, у бюро — максимизация выделяемого бюджета. Существенным отличием является тот факт, что фирма заинтересована в снижении издержек, а бюро — нет. Позже модель подверглась пересмотру. Важной модификацией было введение понятия «дискреционный бюджет» (разница между общим бюджетом и затратами на производство общественных благ) и трансформация целевой функции бюро. Считалось, что бюрократ теперь максимизирует не общий, а дискреционный бюджет.

Революционность подхода Нисканена в исследовании бюрократии состояла в экспорте методологии микроэкономического анализа и формировании на этой основе нового взгляда на чиновника как максимизатора частного интереса.

Теория поиска политической ренты. Еще одним крупным научным достижением стала теория поиска ренты, которая обратила внимание на мотивацию чиновника использовать политический процесс для извлечения экономических выгод. Проблема рентоориентированного поведения впервые была рассмотрена в работах американских ученых [4–6]. Дальнейшее развитие теории можно проследить в исследованиях [7; 8], а фундаментальный обзор найти в трудах [9; 10]. Поиск политической ренты предполагает использование властных полномочий чиновниками с целью получения экономических выгод сверх регламентированного дохода. Принимая такую мотивацию чиновников в качестве шаблона, другие субъекты (индивиды, фирмы) склонны использовать эту ситуацию для улучшения условий хозяйствования. В качестве поведенческой стратегии они направляют инвестиции не в экономическую деятельность, а в политический процесс, с целью создания благоприятных конкурентных условий путем манипулирования «правилами игры» в свою пользу или ухудшения этих «правил» для конкурентов.

Теория политической ренты позволяет объяснить мотивы деятельности субъектов по принятию политических решений, обосновать источники неэффективности экономической политики, связанные с искажением распределения ресурсов в экономике.

В силу того, что инструментальные цели у акторов политического процесса разные (у политика — переизбраться, у чиновника — увеличить бюджет бюро), возникает проблема их согласования.

Группы специальных интересов. Еще одним важным игроком на политическом рынке выступают группы специальных интересов, под которыми понимают некую организованную совокупность субъектов, участвующих в политическом процессе с целью реализации собственного интереса. Подобные объединения обычно выражают свои предпочтения через механизм лоббирования. С содержательной точки зрения под лоббированием понимается информационная деятельность, связанная с доведением предпочтений избирателей до сведения субъектов принятия политических решений [11]. Если сообщество обладает способностью влиять на процесс принятия политических решений, то подобное объединение называют *группой давления*. Властный потенциал группы давления определяется ресурсным обеспечением и организационной эффективностью.

Ресурсы. Процесс лоббирования может опираться на разные техники: от легальных взносов в фонды кандидата до подкупа избирателей. При прочих равных условиях, этот объем привлекаемых ресурсов будет тем больше:

– чем больше ожидаемый объем выгод, связанных с лоббированием (ожидаемая отдача);

– чем больше объем ресурсов, находящихся в руках членов группы (потенциальная ресурсная база лоббирования);

– чем выше способность группы мобилизовать ресурсы ее членов для осуществления лоббистской деятельности [12, с. 63].

Мобилизация ресурсов во многом зависит от размера видимых отдельному члену группы выгод. На организационную эффективность напрямую влияет то, по каким правилам построено взаимодействие внутри группы и как распределяются полученные выгоды.

Организационная эффективность. Интерес индивида в участии в той или иной группе определяется возможностью максимизировать частную выгоду. Центральным принципом, на котором строится «логика коллективных действий», является рациональное поведение [13]. Классической формой описания внутригруппового взаимодействия стала модель М. Олсона, описанная в [14]. (*Начало описания.*) В своей модели он обратил внимание на сравнительные преимущества малых групп специальных интересов в организации коллективных действий:

1. Чем больше индивидов выигрывают от коллективно предоставляемого блага, тем меньшая часть выигрыша достанется каждому;

2. Заинтересованность действовать в групповых интересах уменьшается с увеличением размеров группы;

3. Большие группы менее способны действовать в общих интересах, чем малые.

Цель построения модели состоит в определении оптимального для каждого индивида количества блага и поиска ответа на вопрос, будет ли при этом оптимально производиться коллективное благо.

Для формализации вводятся следующие переменные: C — издержки по достижению единицы коллективного блага; T — объем коллективного блага; S_g — размер группы — const; F_i — часть общей выгоды, которая досталась индивиду — const; $V_g = (S_g T)$ — выгода группы (ценность блага для группы); V_i — ценность блага для индивида (выгода индивида).

Для иллюстрации сути модели приведем лишь несколько начальных этапов формализации и перейдем к выводам.

$$F_i = \frac{V_i}{V_g} \Rightarrow V_i = F_i S_g T, \quad \text{или} \quad V_i = F_i V_g;$$

$$A_i = V_i - C,$$

где A_i — преимущества, которые получит индивид в результате получения какого-то количества коллективного блага; A_i изменяется в зависимости от

$$T \rightarrow \frac{\partial A_i}{\partial T} = \frac{\partial V_i}{\partial T} - \frac{\partial C}{\partial T}.$$

Условием первого порядка для максимизации выгоды индивида будет

$$\frac{\partial A_i}{\partial T} = 0.$$

Условием второго порядка — $\frac{\partial^2 A_i}{\partial T^2} < 0$.

Итогом математических преобразований становятся два важных вывода.

1. Оптимальное для каждого индивида количество коллективного блага определяется следующим равенством:

$$F_i = \left(\frac{\partial V_g}{\partial T} \right) \frac{\partial C}{\partial T}.$$

2. Если при производстве определенного количества коллективного блага выгода группы превосходит общие издержки в большей мере, чем она превосходит выгоду одного индивида, тогда существует основание полагать, что коллективное благо будет обеспечено и выгода индивида превысит общие издержки, связанные с производством коллективного блага. (*Окончание описания модели.*)

Деятельность групп давления преимущественно связана с процессом перераспределения в национальной экономике. Причем формы перераспределения носят не только ресурсный характер. Безусловно, экономический анализ политических процессов отдает приоритет рациональным максимизаторским мотивам, однако вряд ли оправданным выглядит искусственное ограничение числа целей и интересов не только групп давления, но и остальных акторов. Современные эпистемические техники позволяют в определенной степени «оживить» ортодоксальные модели путем уточнения исходных предпосылок экономико-политического анализа. Среди прочего одним из рецептов конструктивного междисциплинарного взаимодействия экономической и политической науки может стать включение в аксиоматику современной теоретической экономики ключевых устоявшихся концептов политологии. Примером такой практики является попытка включения в экономико-политический анализ силовой формы межсубъектного взаимодействия — институциональной интервенции [15; 16].

Методология международной политэкономии. В отличие от политэкономии, изучающей проблемы национального уровня, предмет и метод ее международной версии в большей степени неоднозначен. Международной политэкономией принято называть междисциплинарную область на стыке теории международных отношений и международной экономики. Иными словами, это попытка исследования проблем мировой политики методами экономической науки. Наряду с термином «международная политическая экономия» часто используется понятие «глобальная политическая экономия». Здесь, в зависимости от контекста, следует различать два варианта их употребления. Первый — предполагает их синонимичное содержание. Второй — под глобальной политэкономией понимает ее неортодоксальную версию (чаще мир-системный подход).

Предпосылками появления международной политической экономии обычно называют рост неопределенности, крах Бреттон-Вудской системы, кризисы 1970-х гг. и прочие события [17]. Поэтому формирование этой новой формы междисциплинарного взаимодействия датируют началом 70-х гг. XX в. Появление работ [18—20] позволило международной политической экономии оформиться в самостоятельное направление. Обретение хоть и размытых дисциплинарных рамок дает толчок новым исследованиям, расширяющим традиционные политологические представления на некоторые проблемы. Активно развиваются подходы к изучению политической поддержки, увеличивается количество работ, использующих математическое моделирование, большое внимание уделяется проблеме принятия политических решений и накоплению эмпирического материала.

Таким образом, можно выделить несколько этапов в эволюции международной политической экономии [21]:

первый этап (1970-е гг.) — начало синтеза политической и экономической исследовательских программ;

второй этап (1980-е гг.) — формирование многоуровневого подхода к исследованию международных отношений;

третий этап (1990-е гг.) — активная формализация международной политической экономики;

четвертый этап (2000-е гг.) — поиск баланса между разными уровнями принятия решений на международной арене.

Широкое предметное поле и методологическое разнообразие обусловили отсутствие единого исследовательского подхода в международной политической экономике. Поэтому в ее современной версии выделяют четыре вектора развития [12, с. 38]:

1. Либеральное направление;
2. Направление общественного выбора;
3. Государственно-центричное направление;
4. Марксистское направление.

Сравнительные характеристики этих направлений представлены в табл. 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика основных направлений МПЭ [12, с. 40]

Основная характеристика	Направление международной политической экономики			
	Либеральное	Общественного выбора	Государственно-центричное	Марксистское
Представление о соотношении экономики и политики	Независимость сфер экономического и политического	Экономические субъекты воздействуют на экономическую политику, экономическая политика влияет на деятельность экономических субъектов	«Примат государства»: государственная политика определяет ход экономических процессов	Экономический детерминизм: уровень развития производительных сил определяет классовый состав населения и политику господствующего класса
Основная единица поведенческого анализа	Индивиды, принимающие решения	Индивиды, принимающие решения	Национальные государства и их правительства	Социальные классы
Модель человека	В политике — «политический человек», в экономике — «экономический человек»	«Экономический человек»	«Политический человек» как часть надывидиальной общности — национального государства	«Политический человек», «социологический человек» как часть надывидиальной общности — социального класса
Характер международного взаимодействия в международной сфере	Добровольный, кооперативный: взаимодействие с положительной суммой	Добровольный, кооперативный: взаимодействие с положительной суммой	Конфликтный: взаимодействие с нулевой или отрицательной суммой (столкновение национальных интересов)	Конфликтный: взаимодействие с нулевой или отрицательной суммой (отношения эксплуатации)
Критерий оценки результатов взаимодействия	Абсолютные выгоды	Абсолютные выгоды	Относительные выгоды	Относительные выгоды
Характер международного регулирования	Саморегуляция в системе экономических рынков	Саморегуляция в системе экономических и политических рынков	Гегемонистская модель стабильности	Классовая борьба, революционные изменения

Вместе с тем следует обратить внимание на неортодоксальный вариант глобальной политической экономики, который предлагает иной взгляд на экономико-политическую реальность, использует другую систему базовых допущений.

В отличие от представленных выше направлений альтернативная международная политическая экономия имеет еще большую методологическую разнородность, что не позволяет систематизировать ее по критериям, предложенным в табл. 2. В основном речь идет о подходах, транслируемых с позиций неореализма, неомарксизма, социального конструктивизма или просто критически настроенных к мейнстриму теорий.

Неортодоксальный современный экономико-политический анализ, как правило, строится на базе какого-либо метапринципа, служащего своего рода методологическим «мостом» между дисциплинарными полями. Примером такого симбиоза может служить принцип эволюционизма, позволяющий одновременно использовать потенциал эволюционного институционализма и мир-системного анализа. Бесспорным преимуществом глобальной политической экономии является системность, полиаспектность, многофакторность и историчность аналитических схем. Такой подход позволяет интегрировать научный инструментарий смежных дисциплин для построения объяснительных моделей. В качестве примера рассмотрим несколько теорий, ставших методологической основой для некоторых направлений глобальной политэкономии.

Теория гегемонистской стабильности [22–27]. Появляется в конце 70-х гг. XX в. как традиция политологического неореализма. Теория строится на предпосылке существования сверхдержавы-гегемона, который выступает гарантом мирового порядка. Последний рассматривается как коллективное благо, поэтому остальные политические акторы должны также участвовать в его финансировании. Гегемон определяет стандарты и поведенческие нормы в международных отношениях. Легитимация гегемона обеспечивается не только демонстрацией военного превосходства, но и доминированием в экономической, культурной и идеологической сферах.

Теория транснационализации [28–30]. Концепция опирается на принцип многоаспектности международных отношений. Предполагается, что каждая сфера отношений (финансы, торговля, образование и т. п.) обладает спецификой в нормах, поведенческих стереотипах, способах межсубъектного взаимодействия. Особое внимание уделяется изучению властных отношений. Допускается применение власти в экономической деятельности, при этом признается существование сильных игроков, способных конкурировать с государствами в мировой экономике.

Социальный конструктивизм [31–33]. В международных отношениях социальный конструктивизм проявил себя через перенос принципов внутригосударственного устройства общества в сферу наднациональной активности. В качестве основного субъекта экономико-политического процесса рассматривается государство. Существенным достижением является имплементация интересов субъектов внутригосударственного уровня при принятии решений в области мировой политики.

Мир-системный анализ [34–37]. Концепция социальной эволюции, основанная на холистических предпосылках исследования общественного развития. Допускает создание общего социального анализа на базе междисциплинарного взаимодействия, снятия предметных границ и конвергенции методологии гуманитарных наук. В качестве основного объекта анализа выступает не государство, а социальная система. Выделяются несколько типов социальных систем в зависимости от механизма распределения: реципрокные мини-системы, редиистрибутивные мир-империи и товарно-денежные мир-экономики. Основным эмпирическим объектом анализа становятся капиталистические мир-системы, которые задают, транслируют и унифицируют паттерны социального бытия.

Рассмотренные подходы дают основание сделать следующий вывод. В современных экономико-политических исследованиях применяются два услов-

ных типа аналитических схем. Первый тип — характеризуется активным использованием экономической методологии на политологическом предметном поле. Ключевой теоретической оптикой выступают модели, ориентированные на формальную строгость и объясняющие политические явления экономическими поведенческими паттернами. Второй тип — исповедует широкий междисциплинарный подход, основанный на попытке комплементации методологии ряда гуманитарных дисциплин.

Вместе с тем для первого и второго типа аналитических схем характерна фрагментарность и контекстуальность. Так, формальный экономико-политический анализ в целях сохранения математической строгости может игнорировать базовые феномены политической онтологии. По этой причине такое центральное для политологии понятие, как «власть», не всегда находит место в этих моделях. Что касается построения «всеохватных» экономико-политических концепций, то проблема преимущественно заключается в ограниченности выполняемых ими функций. Среди них низкий прогностический потенциал, *ad hoc* применимость и инструментальная недостаточность.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Niskanen, W.* Bureaucracy in representative government / W. Niskanen. — New York : Aldine-Atherton, 1971. — 241 p.
2. *Нуреев, Р.* Теория общественного выбора / Р. Нуреев. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2005. — 531 с.
3. *Nureev, R.* Teorija obshhestvennogo vybora [Public choice theory] / R. Nureev. — М. : Izd-vo GU VShJe, 2005. — 531 p.
4. *Niskanen, W.* Bureaucracy and Public Economics / W. Niskanen ; 2 ed. / Aldershot, Hants, England ; Brookfield, Vt, USA : Edward Elgar, 1994. — P. 243–267.
5. *Tullock G.* The welfare costs of tariffs, monopolies, and theft / G. Tullock // Economic Inquiry. — 1967. — Vol. 5, N 3. — P. 224–232.
6. *Krueger, A. O.* The political economy of the rent-seeking society / A. O. Krueger // The American economic review. — 1974. — Vol. 64. — P. 291–303.
7. *Buchanan, J. M.* Rent seeking and profit seeking / J. M. Buchanan // Toward a theory of the rent-seeking society ; eds.: J. M. Buchanan, R. D. Tollison, G. Tullock. — 1980. — Vol. 3. — P. 3–15.
8. *Tollison, R. D.* The economic analysis of rent seeking / R. D. Tollison, R. D. Congleton. — UK : Edward Elgar Cheltenham, 1995. — 397 p.
9. *Rowley, C.* The political economy of rent-seeking / C. Rowley, R. D. Tollison, G. Tullock : Springer Science & Business Media, 2013. — 495 p.
10. *Congleton, R. D.* Forty years of research on rent seeking: an overview / R. D. Congleton, A. L. Hillman, K. A. Konrad // The Theory of Rent Seeking: Forty Years of Research. — 2008. — Vol. 1. — P. 1–42.
11. *Congleton, R. D.* Forty years of research on rent seeking: Applications: Rent seeking in Practice / R. D. Congleton, A. L. Hillman, K. A. Konrad. — Berlin : Springer Science & Business Media, 2008. — 815 p.
12. *Austen-Smith, D.* Interest groups: Money, information, and influence / D. Austen-Smith // Perspectives on Public Choice : A Handbook ; ed.: D. Mueller. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. — P. 296–321.
13. *Афонцев, С. А.* Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. — М. : КомКнига, 2010. — 384 с.
14. *Afoncev, S. A.* Politicheskie rynki i jekonomicheskaja politika [Political Markets and Economic Policy] / S. A. Afoncev. — М. : КомКнига, 2010. — 384 p.
15. *Олсон, М.* Логика коллективных действий / М. Олсон. — М. : Фонд экономической инициативы, 1995. — 286 с.
16. *Olson, M.* Logika kollektivnyh dejstvij [The logic of collective action] / M. Olson. — М. : Fond jekonomicheskoy iniciativy, 1995. — 286 p.
17. *Вольчик, В.* Лекции по институциональной экономике [Электронный ресурс] / В. Вольчик. — Режим доступа: <http://institutional.narod.ru/lectures2/i13.pdf>. — Дата доступа: 03.08.2021.

Vol'chik, V. Lekcii po institucional'noj jekonomike [Institutional Economics Lectures] [Jelektronnyj resurs] / V. Vol'chik. — Rezhim dostupa: <http://institutional.narod.ru/lectures2/i13.pdf>. — Data dostupa: 03.08.2021.

15. *Кристиневиц, С. А.* Институциональные интервенции: концепция и механизмы реализации в национальной и мировой экономике / С. А. Кристиневиц. — Минск : ИВЦ Минфина, 2020. — 234 с.

Kristinevich, S. A. Institucional'nye intervencii: koncepcija i mehanizmy realizacii v nacional'noj i mirovoj jekonomike [Institutional Interventions: Concept and Implementation Mechanisms in the National and World Economy] / S. A. Kristinevich. — Minsk : IVC Minfina, 2020. — 234 p.

16. *Кристиневиц, С. А.* Институциональные интервенции на наднациональном уровне: типология и механизмы реализации / С. А. Кристиневиц // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. — 2019. — № 3. — С. 202–214.

Kristinevich, S. A. Institucional'nye intervencii na nadnacional'nom urovne: tipologija i mehanizmy realizacii [Institutional Interventions at the Supranational Level: Typology and Implementation Mechanisms] / S. A. Kristinevich // Vestn. Ros. jekon. un-ta im. G. V. Plehanova. — 2019. — N 3. — P. 202–214.

17. *Либман, А.* Направления и перспективы развития политико-экономических исследований / А. Либман // Вопр. экономики. — 2008. — № 1. — С. 27–45.

Libman, A. Napravlenija i perspektivy razvitija politiko-jekonomicheskikh issledovanij [Directions and prospects for the development of political and economic research] / A. Libman // Vopr. jekonomiki. — 2008. — N 1. — P. 27–45.

18. *The Theory and Structure of International Political Economy* / ed. by T. Sandler. — Boulder : Westview Press, 1980. — 280 p.

19. *Gilpin, R.* The Political Economy of International Relations / R. Gilpin. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1987. — 423 p.

20. *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth* / eds.: J. A. Frieden, D. A. Lake. — New York : St. Martin's Press, 1987. — 420 p.

21. *Олейнов, А.* Международная политэкономия: предмет и метод / А. Олейнов // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2017. — № 2. — С. 55–65.

Olejnov, A. Mezhdunarodnaja politjekonomija: predmet i metod [International political economy: subject and method] / A. Olejnov // Mirovaja jekonomika i mezhdunar. otnoshenija. — 2017. — N 2. — P. 55–65.

22. *Kindleberger, Ch. P.* Hierarchy versus inertial cooperation / Ch. P. Kindleberger // International Organization. — 1986. — Vol. 4, N 40. — P. 331–336.

23. *Gilpin, R. G.* No one loves political realist [Electronic resource] / R. G. Gilpin // Security Studies. — 2007. — N 5:3. — P. 3–26. — Mode of access: <https://dx.doi.org/10.1080/09636419608429275>. — Date of access: 25.04.2021.

24. *Keohane, R. O.* After hegemony: transatlantic economic relations in the next decade [Electronic resource] / R. O. Keohane // J. of Common Market Studies. — 1984. — N 4. — P. 3–9. — Mode of access: <https://dx.doi.org/10.1080/03932728408456529>. — Date of access: 12.04.2021.

25. *Modelski, G.* Evolutionary paradigm for global politics / G. Modelski // International Studies Quarterly. — 1996. — N 40. — P. 321–342.

26. *Snidal, D.* The limits of hegemonic stability theory [Electronic resource] / D. Snidal // International Organization. — 1985. — N 39. — P. 579–614. — Mode of access: http://journals.cambridge.org/abstract_S002081830002703X. — Date of access: 17.04.2021.

27. *Webb, M. C.* Hegemonic stability theory: an empirical assessment [Electronic resource] / M. C. Webb, S. D. Krasner // Review of International Studies. — 1989. — N 15. — P. 193–198. — Mode of access: <http://journals.com>. — Date of access: 23.04.2021.

28. *Keohane, R.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction / R. Keohane, J. Nye // International Organization. — 1971. — Vol. 25, N 3. — P. 329–349.

29. *Huntington, S. P.* Transnational Organizations in World Politics / S. P. Huntington // World Politics. — 1973. — Vol. 25, N 2. — P. 333–368.

30. *Rosenau, J. N.* The study of global interdependence: essays on the transnationalization of world affairs / J. N. Rosenau. — London : Frances Pinter, 1980. — 334 p.

31. *Wendt, A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // International Organization. — 1992. — Vol. 46, N 2. — P. 391–425.

32. Hopf, T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // T. Hopf // *International Security*. — 1998. — Vol. 23, N 1. — P. 171–200.
33. Alder, E. Seizing the middle ground E. Alder // *European J. of International Relations*. — 1997. — Vol. 3, iss. 3. — P. 319–363.
34. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире // И. Валлерстайн : пер с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб. : Унив. кн., 2001. — 416 с.
- Vallerstajjn, I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire [Analysis of world systems and the situation in the modern world] / I. Vallerstajjn : per s angl. P. M. Kudjukina ; pod obshh. red. B. Ju. Kagarlickogo. — SPb. : Univ. kn., 2001. — 416 p.
35. Валлерстайн, И. Мирово-системный анализ // И. Валлерстайн // *Время мира*. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций ; под ред. Н. С. Розова. — Новосибирск, 1998. — Вып. 1. — С. 105–123.
- Vallerstajjn, I. Miro-sistemnyj analiz [World system analysis] / I. Vallerstajjn // *Vremja mira. Al'manah sovremennyh issledovanij po teoreticheskoj istorii, makrosociologii, geopolitike, analizu mirovyh sistem i civilizacij* ; pod red. N. S. Rozova. — Novosibirsk, 1998. — Vyp. 1. — P. 105–123.
36. Amin, S. El eurocentrismo: Critica de una ideologia / S. Amin. — Mexico : Siglo XXI Eds., 1989. — 230 p.
37. Arrigi, D. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. Территория будущего [Электронный ресурс] / Д. Арриги ; пер. А. Смирнов, Н. Эдельман, Д. Арриги. — М. : Территория будущего, 2006. — 470 с.
- Arrigi, D. Dolgij dvadcatyj vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. Territorija budushhego [Long twentieth century. Money, power and the origins of our time. Territory of the future] [Jelektronnyj resurs] / D. Arrigi ; per. A. Smirnov, N. Jedel'man, D. Arrigi. — M. : Territorija budushhego, 2006. — 470 p.

SERGEY KRISTINEVICH

**MODERN ECONOMIC AND POLITICAL ANALYSIS:
STATE AND METHODOLOGICAL TRENDS
(Part II. See Part I in No 1 2022)**

Author affiliation. *Sergey KRISTINEVICH* (sk.bseu@gmail.com), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The first part of the article examines present-day approaches to the analysis of economic and political processes. The target functions of voters and politicians as the key actors in the political and economic processes are substantiated; major models describing the behavior of these subjects in the process of inter-subject interaction are shown; predominant methodological approaches in a new political economics are characterized.

The second part of the article describes the target functions of two more subjects of the political market — civil servants and special interest groups. The methodological heterogeneity of the international political economics is shown. The emphasis is made on the directions of the unorthodox vector. The conclusion is drawn that in modern economic and political studies two conventional types of analytical schemes are used. The first type is characterized by the active use of economic methodology in the political science subject field. The second type uses a broad interdisciplinary approach based on an attempt to complement the methodology of a number of humanities.

Keywords: special interest groups; civil servants; international political economics; interdisciplinary approach; political market.

UDC 330.88

*Статья поступила
в редакцию 02. 09. 2021 г.*